

К читателю

В этой книге описаны события, которые могли произойти только в России, но представляют интерес и далеко за ее пределами. В ней нет вымышленных героев и имен, но есть имена и события легендарные.

Предки со стороны моей матери — Прокудины-Горские состояли в дружбе с Дмитрием Донским, в родстве с Рюриком. Еще на поле Куликовом, в далеком 1380 году, отстаивая интересы России, бились они с войском Золотой Орды.

А предки моего отца возглавляли «спартанские легионы», за независимость Греции и во славу России сражались они в Черном море.

Золотыми буквами написано имя прародителя этого рода Стефана Мавромихали на стенах Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве.

Мне хотелось рассказать и о тех моих родных и близких, кто не был отмечен столь громкой славой, но жил с любовью к России, кто верой и правдой служил Отечеству в самые трудные для него времена.

Я заново переживала уже пройденные моими предками пути, их молодость и испытания, любовь и разлуку, потери и нелегкие победы.

В лицах давно позабытых, но нежно и горячо любимых автором, читатель увидит Россию на протяжении почти тысячелетия, поступь самой истории, смену поколений и их диалог... Секунды, минуты, столетия...

«Восстанавливая» жизнь дорогих мне людей, я еще и еще раз перечитывала их пожелтевшие письма, работала в архивах, расспрашивала знакомых и незнакомых людей, искала адреса среди уже не сохранившихся домов и улиц.

Теперь, когда книга закончена, мне хочется поблагодарить тех, кто помогал мне на этом тернистом пути: сотрудников музеев, библиотек, архивов — всех тех, кто откликнулся искренно и душевно, глубоко профессионально и абсолютно бескорыстно.

Я рада выразить глубокую признательность заведующей абонементом Библиотеки академии наук Г. И. Миловидовой и главному библиотекарю Библиотеки академии наук И. П. Токаревой, заместителю директора Института генеалогических исследований при Российской национальной библиотеке А. В. Краско; заведующей отделом эстампов Российской национальной библиотеки Е. В. Бархатовой; начальнику Архива ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области С. К. Берневу; заместителю начальника Главного информационно-аналитического центра МВД Российской Федерации А. Т. Шакалову.

Низкий поклон труженикам нашего общего исследовательского поиска, труда нужного и благородного, помогающего по крупицам, по отдельным документам и фактам воссоздать картину жизни одного российского дворянского рода, как малой части, как отражения истории нашего Отечества.

Хочется поблагодарить любезно предоставивших материалы своих семейных архивов М. М. Александрову-Дольник, Г. А. Землякова, Н. В. Прокудину (Россия), А. В. Прокудина (Крым, Украина), а также Катрин Прокудину-Горскую, Ивана и Дмитрия Свечиных (Франция).

Сердечно благодарю истинного знатока и талантливого пропагандиста обширного фотонаследия изобретателя цветной фотографии С. М. Прокудина-Горского — заслуженного педагога средней школы В. В. Дрючина, который много способствовал появлению на свет этой книги, выполнил к ней вместе с А. Моисеевым электронную версию фотоальбома.

ГЛАВА I

Родители мамы. На ухабах истории

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.

А. Кушнер

Дом на косогоре. Солнцедар. «Мой единственный»

Мой прадед по материнской линии Петр Степанович Пушкив выстроил в Малой Вишере дом на косогоре, деревянный, двухэтажный, с мезонином. Он и сейчас стоит, этот дом.

Женился на строгой девушке с серыми глазами, и зажили они чинно, благородно. Ксения Федоровна вошла в дом рачительной хозяйкой, несмотря на свою молодость. Все у нее ладилось, везде был порядок.

Открыл Петр Степанович со временем стеклодувную фабрику.

Дочери Пушкива славились на Вишере своей особой — в Петра Степановича — красотой. Все черноглазые, чернобровые, с косами до колен, певуны, танцорки, веселые, но и строгие, как и их маменька.

Долгими зимними вечерами рассказывал Петр Степанович своим детям семейные предания, «чтоб дальше передавали».

Прапрадеды Пушкивых были лесничими при засечных лесах на подступах к Москве. И ловко их так засекали, что лошади вражьей конницы с разбегу зависали на этих засечных остриях — Москва по этой причине не подвергалась огню и мечу...

Острия «засеченных» топориком деревьев делали они похожими на воевод московских. На этих деревянных воевод даже с дальних сторон приходили поглядеть, подивиться сходству и мастерству...

Стал Петр Степанович на Вишере городским головою, обходительным с людьми, в каждом деле рассудительный, хозяйственный.

Всячески спешествовал постройке каменного здания для городского 3-х классного училища. Изыскал средства на строительство училища и на мощение улицы, и на «расширение местной церкви, на колокол, на иконы и прочее благолепие храма», — так говорится в рукописях Маловишерской думы.

Дочки росли как цветочки в пушковском палисаднике.

Старшую Наталью, чуть исполнилось 16, посватал сын купеческий Николай Варасов. Сам собою красавец и душа-человек. Ушла Наталья первой из родительского дома на косогоре.

Подрастали дочки Петра Степановича Пушкива, выходили замуж или уезжали учиться. Первой поехала учиться Поля.

Не хотел отпускать ее Петр Степанович из под родительского крылышка.

— Неужто я, Поляночка, не прокормлю тебя?

Добилась все-таки родительского благословения Поля, уехала в учительскую семинарию, основанную принцем Петром Ольденбургским.

Потом пришла еще и Маня. Она просила у отца разрешения ехать в Санкт-Петербург, в Евгеньевскую общину Красного креста.

Глаза у Мани были лукавые, веселые, не омрачались ни на минуту.

Смеялась она как серебряный колокольчик, рассыпчато, звонко. Родители, глядя на нее, улыбались. Смеялась она «в вольную душу», как говорил Петр Степанович.

А тут Петр Степанович не узнал свою шалунью: пришла серьезная...

— Хочу быть, папенька, сестрою милосердия, я и сейчас умею лечить: зубную боль заговариваю, головную боль мигом сниму.

— Колдунья ты наша дорогая, сколько раз меня вылечивала...

Уехала учиться и Маня в Петербург, в общину Святой Евгении, где покровительницей была принцесса Е. М. Ольденбургская.

А в 1904 году прямо из Евгеньевской общины на Русско-японскую войну отправилась, не исполнилось ей еще 16.

— Ох, молода она для войны...

Проводили Маню на войну и затревожились Пушкивы и Варасовы. Стали посылки на фронт посылать: девочка ведь совсем.

Сохранились в нашем семейном архиве письма сестры милосердия Марии Пушкивой с фронтов Русско-японской войны. Живой голос с «сопок Маньчжурии», свидетельницы подвига «Варяга» и героизма русских воинов в этой далекой от нас войне.

Сначала писала она о необычной природе, о том, как устроились в далекой стороне.

Потом об операциях раненых, о том, что забыли власти «про солдатака», и сгорел он заживо на своем посту.

Небо на востоке было необычно глубокое, словно бархатное. Окаймленное вечерами густо-лиловыми и желтыми полосами, оно

походило на сказочную декорацию. Вода тихо плескалась у самых ног между черными мокро-блестевшими камнями, остро-торчавшими из воды.

Доктор уверял, что час морского воздуха снимает отравление хлороформом, которое они получали у операционного стола, возле которого день и ночь сливались для них в какое-то другое измерение: жизни и смерти оперируемого раненого.

Шестнадцатилетняя сестра милосердия — мама моей мамы — писала с Русско-японской войны:

Х а р б и н ь , 5-го марта 1904 г.

Христос Воскрес!

Дорогие мои, сердечно поздравляю Вас и молю Вам из Харбина.

Самой не верится, что в такую даль укатила от своих родных и милой Вишеры. В Харбин приехали 3-го марта и ждем дальнейших распоряжений, куда и когда поедем, еще неизвестно.

Квартиру нам дали порядочную, только спать-то не совсем важно, обедать ходим в офицерское собрание.

Здесь уже запрещена продажа мяса для жителей, но мы получаем, да и жителей-то не осталось, все перебираются к Вам. Чувствуется, что время военное, везде стража.

Сегодня ночью на пятое приходит к нам солдат и так тихо спокойно будит нас: „Сестрицы, вставайте, но вы не пугайтесь, рядом пожар“.

Мы, конечно, сейчас же вскочили, связали свои вещи в десять минут, побежали, но оказалось что горит соседнее здание — контора Главного управления Китайской Восточной железной дороги. Что-то это очень подозрительно...

А солдат же, который стоял на часах у кассы, сгорел, бедный, про него забыли...

Нас сестер собралось в Харбине 100 человек...

Напишите, что у Вас нового, здоровы ли. Пишите по тому адресу, который на конверте, а я буду поджидать письмеца.

Так завидно, все наши получают, да я сама виновата, адрес Вам не написала. Теперь, когда я его получу, чуть ли не через два месяца.

Целую Вас всех. Будьте здоровы. Жду от Вас письма.

Ваша Маня.

А вот письмо, написанное ею через полтора месяца.

Л я о я н ь , 24 апреля 1904 г.

Дорогой Николай Михайлович! (Варасов, муж старшей сестры Наталии Петровны Пушкиной)

Спасибо Вам большое за письмо, я получила его 23 апреля, очень-очень оно меня обрадовало, первое письмо — это получено от Вас, из милой родной Вишеры.

Постараюсь относиться к делу так добросовестно, чтобы возвратиться на родину с самой чистой совестью.

У меня, Николай Михайлович, все есть, я жалованье получаю, всего не трачу. Благодарю Вас сердечно за Вашу доброту, только прошу не отказать мне в моей просьбе, писать чтобы не случилось дома.

Думаю, они всё писать не будут (в это время болел отец, Петр Степанович Пушкин).

Будьте здоровы.
Уважающая Вас Маня.

Г у д з я д з ы. 19 октября 1904 года

...Теперь мы от Харбина слишком далеко, но вот на днях от нашего госпиталя один служащий может быть туда поедет, и привезет почту...

Как только получу, постараюсь сразу же ответить...

Пришел сегодня поезд с ранеными, мы его сразу же обступили...

Как Поля и ее ученики?..

Будьте добры передать привет от меня...
Ваша Маня.

В это же самое время пресса так освещала события на Русско-японском фронте: «...На снежных равнинах М у к д е н а разразилась гроза; предстоящее сражение обещает быть самым кровопролитным, какое знала история.

Еще 14 февраля ничего не предвещало внезапного поворота.

Но уже 16-го показался сильный японский отряд (1 ½ дивизии), который двинулся прямо на М у к д е н...». «Русские ведомости», 21 февраля 1905 г.

«...Со вчерашнего дня японцы бомбардируют весь русский фронт из тяжелых орудий...». «С.-Петербургские ведомости», 21 февраля 1905 г.

«...Владивосток. Ввиду недостатка средств в городской кассе, не позволяющего расход на заготовку жизненных запасов на случай осады, заботы об этом принял на себя комендант крепости,

испрашивающий ссуду городу из казны...». *«Новости и биржевая газета»*, 22 февраля 1905 г.

«...По М у к д е н у расклеены японскими эмиссарами прокламации жителям покинуть город ввиду предстоящей бомбардировки.

Возвращения рассчитаны на смуту и волнения, так как при удалении позиций на 10–12 верст бомбардировка невозможна...». *«Новое время»*, 23 февраля 1905 г.

«Воспрещено вывозить из В л а д и в о с т о к а фабричные и строительные материалы, бакалейные, мануфактурные и аптекарские товары, съестные припасы, лошадей, фураж, мебель и домашние вещи.

Въезд в город воспрещен.

Не имеющие пропусков и удостоверений на станции М а н ь ч ж у р и я будут задерживаться и возвращаться назад...». *«Правительственный вестник»*, 25 февраля 1905 г.

«Отступление русских началось 23 февраля утром. Японцы преследуют их.

Ояма запретил войскам в значительном количестве располагаться в М у к д е н е, желая предохранить колыбель маньчжурской династии и защитить население. Токио уже празднует победу. Город украшен флагами. *«Новое время»*, 25 февраля 1905 г.

Мария Пушкиова пишет 20 марта 1905 года из Х а р б и н а:

Христос Воскрес!

Милая дорогая Наташа...

Я не в силах написать, передать Вам ту картину, то впечатление, которое на всю мою жизнь останется неизгладимым в моей памяти.

Трудно, да я не сумею передать всех ужасов, всех тех страстей, какие мне пришлось видеть при отступлении от М у к д е н а.

Это нельзя сравнить с тем отступлением от Л я о я н ь.

Здесь было что-то ужасное, никогда не виданное мною...

Может быть, когда-нибудь расскажу.

Все собиралась писать всем и никак не могла взяться за перо, потому что кроме этого писать нечего...

Дай Бог, скорее бы конец этой войны, иногда слишком тяжело бывает...

Спасибо Вам всем за всё. Будьте здоровы. Целую всех Вас.

Любящая Вас Маня.

В те же самые дни пресса сообщала:

«Известия о неудачах на Дальнем Востоке производят угнетающее впечатление.

В военном соборе отслужено молебствие о даровании победы в присутствии войск гарнизона и множестве молящихся». Газета «*Новое время*».

«Генеральный штаб определяет численность русских войск, участвующих в сражении, в 300 000 пехоты, 26 000 кавалерии, 1368 орудий». Газета «*Правительственный вестник*» из Т о к и о.

«Русские потери под М у к д е н о м, по официальным японским сообщениям, пленных 40 000, в том числе генерал Нахимов, тел на поле боя 26 500». Газета «*Новое время*» от 3 марта.

Из Х а р б и н а Мария Петровна своей сестре:

...Господи, как грустно бывает. Когда много работаешь, так забываешься. Но во время передышки, отдыха...

Ты пишешь, что вот забыла теперь, когда я смеялась... Прямо себя не узнаю...

Милая Полинька, письма от тебя я уже получаю второй месяц и прошу тебя переменить адрес:

Харбин, Красный Крест, отряд графа Апраксина, старшему врачу Исаченко. Если что, передадут графу.

Может быть, еще не так скоро ты дождешься моего приезда.

А вот короткая красноречивая заметка, напечатанная в газете в июне 1905 года: «Россия непрерывно шлет в Маньчжурию новые войска.

Люди едут в товарных вагонах. Поезда состоят из 30 таких вагонов и одного пассажирского.

Ежедневно отходят 5–7 воинских поездов на Дальний Восток». «*Русские ведомости*», 20 июня, 1905 года.

Через две недели, 6 июля 1905 года из города Х е р с у Мария Пушкова домой:

...В настоящее время работы в нашем госпитале немало.

У меня опять тифозная палата, только тифозные самые слабые, ни одного как-то ходящего.

Боже, сколько я переживала этих смертей, страданий, плакала... всего не передашь. Уверена, что испытала и хорошего, но большую половину худого.

Но не будем так требовательны к жизни, к людям. И эта командировка так не пройдет, многое даст нам. Хорошая школа...

Придется ли когда-нибудь пережить подобное

Будьте здоровы.

Любящая и уважающая Вас Маня.

* * *

Тем временем в Малой Вишере, вернувшись из Тверской учительской семинарии, работала в младших классах начальной школы Пелагея Петровна Пушкина. Она стала преподавать в той же школе, которую до поступления в семинарию окончила сама.

Здесь, в школе познакомилась еще с двумя молодыми учительницами, сестрами Софией Александровной и Марией Александровной Ильиными.

Энергичные, любящие своих маленьких учеников, они были полны горячего устремления сделать что-нибудь полезное. Решили создать библиотеку, пусть сначала небольшую, но главное, чтобы в ней книги были хорошие.

Работа закипела. Собирали деньги, книги, вели списки тех учеников, которые вносили свои пятаки.

Как-то вечером Пелагея Петровна после школы зашла к своей старшей сестре Наталье, бывшей замужем за Николаем Михайловичем Варасовым, который к тому времени стал городским головой.

У него было три дочери — Таня, Наташа и Женя. Две младшие, Наташа и Женя, в это время учились у Пелагеи Петровны читать по слогам и называли ее «тетя-мама».

Они побежали к ней навстречу:

— Тетя-мама, как это прочитать?

И протянули ей свои новые книжки с картинками: сказки Пушкина, детские рассказы Толстого и Куприна.

— Вот бы нам такие книги в библиотеку, — подумала Пелагея Петровна.

За чаем она рассказала сестре и ее мужу, какие у них планы в вишерской школе, как по крупицам собирают библиотеку. Приобрели уже «библиотечку для детей» Льва Толстого...

Толстой продумывал тогда методику преподавания в деревенских школах. Строго спрашивал с учителей, если они с небрежением относились к методическим основам воспитания.

Съезд сельских учителей в Ясной Поляне был событием для той поры небывалым.

— Что же Вы мне ничего не говорили раньше про школьную библиотеку, — попенял Николай Михайлович Варасов, — я и от себя лично могу дать на столь великое дело.

Так Маловишерская, только рождавшаяся тогда, школьная библиотека получила финансовую поддержку. Николай Михайлович Варасов превратился в мецената педагогических начинаний на маленьком кусочке нашей российской земли, настойчиво стремившемуся к культуре...

Сейчас местные вишерские краеведы собирают об этом материалы и публикуют их в газете. В 2000 году отмечался 100-летний юбилей Вишерской, но не школьной, а уже районной библиотеки.

«Дом, где согреваются сердца», «Дорогого стоит», «От дедов к правнукам», — такие заметки об истории создания этой библиотеки можно прочитать в газете «Малая Вишера» за 2000 год...

В Государственном архиве Новгородской области хранится документ, в котором сказано, что над созданием Маловишерской библиотеки ее заведующий И. Е. Купреянов работал «без вознаграждения», а помогали ему в этом учительницы, названо имя Пелагеи Петровны Пушковой. У меня даже сердце дрогнуло, когда я это прочитала, работать для детишек «без вознаграждения» — это так свойственно моей дорогой бабушке.

Дата стоит «1900 год», больше ста лет прошло, а ее там помнят. Добрые дела остаются в памяти людской.

Так, архивные документы, письма и семейные предания помогают выпукло, ярко воссоздать семейную хронику на протяжении столетий.

Летом 1906 года Пелагея Петровна с учительницами Ильиными поехала путешествовать на Кавказ. Там случайно они познакомились с бродившим по горным тропам с рюкзаком за плечами Леонидом Никитичем Нарышкиным.

Был он из декабристов, высланных в 1826 году на Северный Кавказ в действующую армию. Предок его, сосланный декабрист, женился здесь на донской казачке, так и осел на Кавказе.

Леонид Никитич Нарышкин учился в Тифлисском юнкерском училище.

В 1905 году юнкеров послали разгонять демонстрантов в Тифлиссе. Встав на колени, они «взяли на прицел». Нарышкин продолжал стоять.

Он отказался стрелять, за что был заключен в тюрьму Метехского замка на берегу Куры и отсидел там больше года...

Встреча Пелагеи Петровны Пушкиной с Леонидом Никитичем Нарышкиным была для них знаменательной — через некоторое, очень короткое время он приехал в Малую Вишеру женихом Пелагеи Петровны.

Понравился всем Пушкиным.

Соня, сестра Пелагеи Петровны, говорила:

— Уж на что мой Петровский хорош, но и этот не хуже.

Даже младшая, самая балованная, Валечка, художница, которая училась при Обществе поощрения художеств в Петербурге, высказалась в его пользу:

— За такого бы и я вышла.

* * *

Первым пристанищем Нарышкиных на Северном Кавказе стало горное село Пшада. Здесь давнишний друг Леонида Никитича юрист Степан Андреевич Заславский основал толстовскую общину.

Пелагее Петровне, горячей поклоннице толстовского учения и демократических принципов жизни, община пришлась по душе. Пелагея Петровна и Леонид Никитич учили здесь ребят по толстовским методам.

Затем местные власти закрыли толстовскую общину, и Нарышкины стали преподавать в школе на Тонком мысу в местечке с поэтическим названием «Солнцедар».

Патронессой новой, только что выстроенной школы, была приятная пожилая дама Екатерина Николаевна Панютина.

Вокруг школы над рядами виноградников возвышались красивые дачи, выстроенные в разных архитектурных стилях: мавританском, готическом и др.

— Это все наши владения, — сказала Екатерина Николаевна Панютина. — Здесь вам будет спокойно и уютно.

Так началась жизнь Нарышкиных на самом берегу Черного моря. Первое, что сделали Нарышкины, приобрели полное собрание сочинений своих любимых писателей: Пушкина, Толстого, Достоевского, А. Майкова и Г. Ибсена.

В классы с первого по пятый собиралось всего человек 15–20.

Замелькали дни, полные яркого солнечного света, звона цикад в траве и бархатного журчания волн, набегавших на песчаный берег.

В летнее время в пустовавшую школу приехала к Нарышкиным Манечка — Мария Петровна Пушкова.

Она была первой их гостьей.

— Эта школа как игрушечка, так и хочется вбежать в нее по ступенькам, — говорила она, смеясь своим нежным и чуть печальным смехом серебряного колокольчика.

Навещали Нарышкиных учительницы маловишерской школы София и Мария Ильины, большие любительницы путешествий.

Потом приехала погостить племянница Полинки, тоже учительница, Танечка Варасова со своими младшими сестренками Женей и Наташей...

По субботам Нарышкины всегда были званы Панютиными на музыкальные вечера, которые происходили на готической даче.

Вся дача была отделана в духе готики. Парадные комнаты украшены дубовыми панелями и витражами, изображавшими сцены из жизни Христа.

Винтовая лестница вела в остроконечную башню, из которой открывался чудесный вид на море.

Утром, когда всплывало солнце, все окрашивалось розовым перламутром. Вечером оно медленно опускалось в море, обогрив небо и узкие готические окна дачи оранжево-малиновым цветом.

Зал, в котором устраивались музыкальные вечера, имел орган с серебристыми трубками, занимавшими всю стену. Кессонированный потолок этого зала — Екатерина Николаевна показывала его с особой гордостью — был рассчитан на наилучший резонанс.

Сама Екатерина Николаевна Панютина была музыкантшей высокого класса. Она играла на органе и фисгармонии, но чаще всего на рояле. Екатерине Николаевне можно было «заказывать» не только «божественные фуги» Баха, но и Листа, Чайковского, Шопена, а она только пересаживалась с одного стула на другой, переходя от органа к фисгармонии или к роялю.

Была у нее и арфа, но на арфе чаще играла графиня Негребецкая, красивая, очень немолодая, с огромными глазами...

Время от времени в готической вилле устраивались спиритические сеансы. На них племянница Екатерины Николаевны Панютиной вызывала на разговор дух своего умершего отца.

По круглому столу, за которым устраивались сеансы, «ползало» легкое, китайского фарфора, блюдечко. По периметру стола раскладывались карточки с буквами.

Вслух прочитывались слога и слова, образуемые из тех букв, возле которых приостанавливалось блюдечко...

Однажды во время сеанса порывом грозового ветра распахнуло раму окна. Штора, надувшись парусом, перевернула керосиновую лампу на столике у окна.

Мгновенно вспыхнул пролившийся керосин, пламя его взметнулось к деревянному кессонированному потолку. Раздались испуганные крики, все повскакивали со своих мест. Край шторы, окунувшийся в разлитый керосин, пылая, разбрасывал огненные искры во все стороны.

Леонид Никитич кинулся закрывать окно. Взвившаяся штора обсыпала его снопом искр.

Пелагея Петровна бросила на горящий пол подушку с дивана и руками стала хлопать по огню на круглом столике...

Когда в дыму больше не стало видно вспыхивавшего пламени, оба вдруг остановились.

— Пожар потушен, — улыбаясь сказал Леонид Никитич...

Домой возвращались под сильным ливнем. У Пелагеи Петровны вздулись волдыри на ладонях.

На другой день к ним пришла Екатерина Николаевна, принесла «чудотворную» мазь от ожогов:

— Вы спасли мою готическую виллу от пожара.

Жизнь снова покатилась тихо и мирно...

Как-то в школу постучался маленький мальчик. Подмышкой он держал большой бухгалтерский журнал: «Дебет — кредит». Долго вытирал босые ноги о половик. Потом спросил:

— Кто из вас учительница?

Маленькие племянницы Пелагеи Петровны, смеясь, побежали к ней:

— Тетя-мама, там к тебе ученик важный!

— Здравствуй, учительница, будем писать?

Он раскрыл свой «Дебет — кредит» и, вопросительно глядя на учительницу, держал наготове карандаш.

— Напиши, Миша, то, что ты можешь написать.

— Я могу букву «О», — солидно заявил Миша.

Женя и Наташа, которые давно умели и писать и читать, засмеялись.

— А вы, милые девочки, выйдете и не мешайте нам заниматься. Вот тебе тетрадка, Миша, в косую линейку. Будешь дома писать букву «О». Понял?

Пелагея Петровна показала Мише, как должна лежать тетрадка, и как карандаш должен смотреть Мише в плечо.

Закрыв свой журнал, он спросил:

— Тетрадку ты насовсем мне дала?

Сложив все свои атрибуты учения, Миша чинно проследовал к двери.

— Завтра приду. Жди.

Когда дверь за ним закрылась, Женя и Наташа стали смеяться:

— Он будет приходить к тебе все лето?

— Разве я должна была ему сказать: завтра не приходи, приходи осенью. Осенью он у меня уже и читать и писать будет.

Леонид Никитич и Пелагея Петровна много работали в школе. Они оборудовали «уголок труда». Екатерина Николаевна согласилась купить для школы токарный станок и швейную машинку.

Мальчики вытачивали кегли для игры на площадке перед школой, девочки с упоением шили на машинке из старого что-нибудь «новое».

Когда зимой на каникулы приехала в Солнцедар сестра Пелагеи Петровны Валя, художница, стали готовить новогодний спектакль. Валечка с девочками шили костюмы. В этом деле она была мастерица.

Леонид Никитич оборудовал сцену с раздвигающимся занавесом как в настоящем театре.

К елке готовились и дети, и взрослые.

Новогодняя елка прошла так весело, что ребят невозможно было отправить домой. Пришлось по подсказке Леонида Никитича погасить лампу. Тут поднялся переполох:

— Ой, а где мой подарок?

— А мой?

Лампу зажгли, нашли свои платки, шапки, шубейки, обувку и полные впечатлений уходили, прижимая к себе кулечки с подарками...

Но вскоре случилось страшное... Страшнее мало что бывает... Война!!!

Первая мировая война!

Узнали об этом Нарышкины почти так, как описал это Иван Бунин в рассказе «Холодная осень».

Леонид Никитич вышел с газетой в сад и через несколько минут вернулся:

— Ну, господа, война...

В первые же дни он ушел на фронт...

Уехала на фронт Первой мировой войны сестрой милосердия и Маня — Мария Петровна.

«Сестра милосердия» — святое тогда понятие. Великая княжна Ольга, младшая сестра императора Николая II, тоже добровольно отправилась на фронт сестрой милосердия и вся целиком ушла в дело спасения «наших русских солдатиков».

Многое рассказывала Маня своей сестре о Первой мировой войне, чего не могла написать в письмах, особенно про раненых солдат.

Как драгоценные исторические свидетельства эти воспоминания:

— Снимаю всю насквозь пропитанную кровью шинель, осторожно снимаю, боюсь лишнюю боль причинить, ножницы взяла, чтоб ее разрезать. А он меня уговаривает: „Не режь, доченька, шинелька добрая, высохнет — другому еще послужит“.

Знаешь, каждый из них — все равно, что Христос. Но никто не может ни оживить погибшего, ни сделать из инвалида снова здорового...

— Не говори, Манечка. Я тоже думаю, пускай без рук, без ног, лишь бы живой остался.

— Не бойся, Полинька, все будет хорошо. Я ведь наперед умею видеть...

В ту войну, Русско-японскую, едем в машине, — продолжала Мария Петровна, — трясемся, а я сплю. И снится мне сон, что мы приехали в Харбин в гостиницу. Так я даже буквы иностранные в ее названии во сне увидела.

А тут мы и приехали: „Сестрица, просыпайтесь!“ Открыла глаза, глянула в окошко, а там здание, которое мне только что снилось — ступеньки, окно в два этажа и даже то же название над входом.

Ты мне верь, Полинька, вернемся мы с Леонидом Никитичем с войны живыми и здоровыми, — и она ласково улыбнулась. — Я ведь „колдунья“. Ясновидящая.

Она верила в свою защищенность и в то, что может защитить, спасти других. Это была ее звезда.

В другой раз она говорила своей любимой Полиньке:

— На войне рождается братство... Помнишь, есть картина „Забытый“. На выставке в Петербурге показывали. Не дай Бог на войне оказаться забытым...

Увидишь на поле, изрытом снарядами, лежит наш солдатик. И бежишь по полю без прикрытия, словно голая...

Бежишь, а перед тобой взрываются фонтанчики. Повернешь лицом — живой! Совсем мальчишка, в лице ни кровинки... Где-то в России мать молится Богу, лишь бы вернулся... Теперь на спину его, и потащишь... Высокий, ноги волочатся. Дотащила и на операционный стол, сделала свое дело. Ему же, бедному, еще много страданий претерпеть, пока поправится. Но самое главное — жизнь спасла.

— Знаешь, — говорила она, — мне кажется, что весь смысл моей жизни в этом и состоит. Жизнь — смерть. Смерть — жизнь...

Рассказала она Полиньке и о том, что познакомилась на германском фронте с кавалерийским офицером Владимиром Михайловичем Прокудиным-Горским:

— Как только увидела его, сразу же поняла — он единственный в мире для меня.

* * *

Мария Петровна еще не закончила ужинать, когда в залу вошел тот, с кем она познакомилась в офицерском собрании еще до войны.

Сегодня она из окна вагона видела, как он выходил на одной из станций, а потом вскочил в поезд на ходу.

Она вспомнила, как они танцевали с ним мазурку в Орле. Она была в своем белом воздушном платье, в котором всегда чувствовала себя счастливой. Платье, как облако, вилось вокруг нее.

Это был один из губернских балов, куда ее привел старший врач бригады, с которым она была командирована тогда в Орел.

Представленный ей на балу Прокудин-Горский как-то незаметно, но быстро отстранил от нее врача, каждый раз спрашивая у него разрешения пригласить его даму.

Сейчас, когда он входил в ресторацию, Мария Петровна еще раз вспомнила тот блестящий бал у губернатора и Прокудина-Горского с его подчеркнутой почтительностью, так понравившейся ей тогда.

Слова, с которыми он обратился к ней теперь, ей тоже понравились:

— Бог вторично послал мне Вас.

На другой день, спускаясь по лестнице, и видя себя сразу в нескольких зеркалах на поворотах, она была в приподнятом настроении, которое ей придавало и это белое «зачарованное» платье, и то, что рядом был Владимир Михайлович...

В этот раз он пригласил ее пройти по парку, и она охотно согласилась. Прокудин-Горский был человеком хорошо воспитанным, светским и сдержанным.

— Этот вечер мы с вами может быть всегда будем вспоминать... — и, помолчав, вдруг спросил: — Вы были когда-нибудь на скачках?

— Была, а что?

— В Орле?

— В Орле.

— Значит, я знал Вас еще до того, как мы встретились с Вами на балу.

— Каким образом?

— Я сидел на скачках за Вами. Вы были в белой шляпе с большими полями.

Она засмеялась:

— Это я! Но как Вы запомнили?

— Запомнить Вас не трудно, трудно забыть. А Вам понравились тогда скачки?

— Очень. Я люблю лошадей. Правда, славное существо — лошадь?

Ему понравилось, что она лошадь назвала существом.

— Я тоже люблю лошадей, — сказал он. — Вот мы с вами нашли общую любовь. Это роднит людей. Если доживем до конца войны...

— У сестер на войне путь короткий.

— Не говорите так, — почти испуганно произнес он.

— Вы суеверны? — спросила она.

— Нет, а, может быть, да. В особых случаях.

— Так что будет, если доживем? — спросила она.

— Тогда поедем в Орел. Пойдем на скачки... Я покажу Вам замечательных рысаков чистойшей орловской породы.

Все, что они говорили в этот вечер друг другу, было как-то особенно интересно и важно им обоим.

— У лошадей перед человечеством есть еще одна заслуга, — сказала она, прощаясь.

— Какая?

— Они нас сдружили.

И они оба засмеялись.

— Нас с Вами сдружила любовь, — ответил он спокойно и просто.

Он был старше Марии Петровны на 10 лет, был к тому времени уже разведен. Его бывшая жена, дочь коллежского советника, Наталия Ивановна, в девичестве Флоринская, вместе с двумя дочками уехала в Москву.

Любовь Владимира Михайловича Прокудина-Горского и Марии Петровны Пушкинковой родилась среди суровых событий войны, но другой молодости и любви у них не было.

У каждого человека только одна любовь и только одна эпоха, та, в которой он родился.

Их называли «Ромео и Джульетта», не подозревая даже, что называли пророчески.

Мария Петровна писала своей сестре Полиньке и с этой войны, Первой мировой, такие же ласковые письма, как 10 лет назад, в войну Русско-японскую.

Владимир Михайлович был в курсе всех деталей жизни Пелагеи Петровны, потому что Марии Петровне очень хотелось, чтобы он, «ее единственный», также понял и полюбил ее Полиньку, как и она сама.

19.IV.15 г.

...Владимир Михайлович спрашивал у меня уже два раза не получила ли я от тебя письма...

В Петрограде опять-таки не удалось побывать у Танечки (Варасовой), но она все-таки несмотря на это пришла на вокзал проводить меня.

Конечно, я ей очень благодарна...
Целую тебя, моя дорогая...
Привет от Владимира Михайловича.
Будь здорова.

Маня.

Когда Мария Петровна и Владимир Михайлович решили пожениться, первыми их поздравили Пелагея Петровна Нарышкина и давний друг Прокудина-Горского Дмитрий Иванович Несвицкий.

— Для меня Мария Петровна, — сказал он, — быть может, один свет в окошке. Ты, Вольдемар, у своей татап в шелковой рубашечке с кружавчиками родился.

А Владимир Михайлович, обычно не расположенный к душевным «выплескам», рассказал Марии Петровне то, что ему так давно хотелось рассказать ей.

Бродя по родной Орловщине, он увидел в одной из церквей икону Богоматери, которая, как ему теперь казалось, очень похожа на Марию Петровну. Он подумал тогда, «если бы я встретил такую женщину, с таким лицом, с таким выражением глаз, я бы посвятил ей жизнь». В этом, он считал, было предзнаменование судьбы.

— И вот я встретил Вас, — говорил он...

— В Орловской губернии? — переспросила Мария Петровна. — Там давным-давно мой отец еще в своей молодости «художничал», расписывал купола в небесный цвет с крупными серебряными звездами.

Как-то ему пришлось «поновить» икону старого мастера. И получилось. С тех пор его стали звать «богомазом», иконы у него получались выразительными. Глаза ласковые, страдающие, и, знаете, на моих сестер чем-то похожи.

— На Вас, на Вас похожи те лики...

Владимир Михайлович подал прошение об отставке, но его, «храброго кавалериста», не сразу отпустили. А он говорил, что боится только одного — потерять Марию Петровну, свое счастье.

Марию Петровну и Владимира Михайловича все поздравляли с такими счастливыми лицами, словно это они сами нашли неожиданно свое личное счастье.

В один из дней, который обещал быть спокойным, начался обстрел. Владимир Михайлович, как он сам сказал, «поцарапался».

— Ничего, ничего. Немного терпения, офицер, — говорил, осматривая его, врач. — И как же это вы умудрились? Вот и все. Сестра, проводите его.

Они вышли из «Хирургии» и, перешагивая через разбитые ступени, медленно побрели по неузнаваемо разрытой улице...

За спиной горел пакгауз, и седые клубящиеся клочья дыма догоняли их вместе с удушливым запахом горящей резины...

Пройдя немного, они обнялись и постояли так молча, а потом он проговорил:

— Какое счастье... что «Хирургия» цела осталась...

— Где твоя фуражка, Володя?

— Я, наверное, ее потерял, — сказал он тихим виноватым голосом. И добавил:

— Все хорошо, что хорошо кончается.

Марии Петровне эта поговорка напомнила ее сестру Полю, которая любила так говорить, и она душой снова вернулась к жизни.

Прокудин-Горский теперь решил, что должен идти в отставку и позаботиться, чтобы Мария Петровна никогда больше не оказывалась на войне. Страх перед возможностью ее потерять вернул Владимиру Михайловичу твердость решений...

Подписывая прошение Прокудина-Горского об отставке, генерал сказал:

— Сердечно поздравляю... Достойную спутницу жизни выбрали.

Расчувствовавшись, старый генерал по-отцовски обнял его и похлопал по спине.

Прокудин-Горский приложил руку к козырьку и, звякнув шпорами, вышел из кабинета генерала.

Обвенчались они с Марией Петровной в небольшой изящной церкви с позолоченным куполом...

Но по пути туда они попали в сильную метель и сбились с дороги. Вьюга мела и кружила, ветер с воем бросал в лицо клочья снега...

И вдруг на несколько минут нависшие тучи расступились, а снег, падавший с небес белой завесой, прекратился...

Церковь стояла среди порывов ветра и пурги спокойно и приветливо, стены ее светились во мгле ровным белым светом, а над ней между веток, обсыпанных снегом, в глубоком бархатном небе сияли

звезды. Одна из них, самая крупная и яркая чуть дрожала в вышине, словно указывая им путь...

— Перст нашего Господа Бога, — перекрывая общий гул, провозгласил глубокий бас священника. — Великое счастье любви предскажется вам, дети мои.

Все, что происходило дальше, шло под знаменем этого удивительного события. Мария Петровна просила зажечь все свечи. И казалось, что они стали гореть ярче и ослепительнее.

Печальный лик Богородицы в серебряном окладе бесконечно ласковым взглядом благославлял жениха и невесту...

Дворянское гнездо. Рассказы моих бабушек. Герб Прокудиных-Горских

Вот он старинный город Орел, дом, где прошло детство Владимира Михайловича Прокудина-Горского, и куда он привез свою жену Марию Петровну.

Здесь он возмужал, здесь началась его взрослая жизнь.

Орловщину в старое время называли «благоуханным садом». Здесь, на Орловщине, стояли дома, деревянные, с мезонинами, колоннами и крылечками, в таких жили писатели Бунин, Лесков, Тургенев, генерал Ермолов, историк Грановский...

Это на дорогой сердцу моих предков Орловщине происходили события, описанные Иваном Сергеевичем Тургеневым в «Дворянском гнезде» и ставшие русской классикой.

Дом моего деда Владимира Михайловича Прокудина-Горского был не в самом Орле, а на лошадях полчаса езды от него.

Дом стоял в большом саду, можно сказать, в парке, и имя этого парка и дома было Отрадное.

Пелагея Петровна Нарышкина приезжала сюда навещать свою сестру Маню — Марию Петровну Прокудину-Горскую.

Она часто потом рассказывала, как Владимир Михайлович водил ее по орловскому дому вместе с Виктором Ивановичем (учителем нескольких поколений детей этого дома). Оба с большой любовью, дополняя друг друга, взволнованно показывали Отрадное.

Начали осмотр с парка, пока не шел дождь, который лил всю ночь. Парк оказался сильно вырубленным, — «на дрова», как пояснил Виктор Иванович.

Когда началась Первая мировая война, Владимир Михайлович отдал половину своего дома под лазарет для раненых.

Теперь, гуляя по дорожкам парка, Владимир Михайлович с грустью замечал: «Здесь были три высокие березы — как три сестры, а здесь беседка...»

Потом пошли осматривать дом...

В столовой топился кафельный камин.

В экран камина была вставлена распisanная под кирпич маленькая моделька готического замка с острой кровлей и окошечками в белых наличниках. Огонь, горевший в камине живым пламенем, трепетал в этих окошечках, создавая впечатление, что в замке идет жизнь.

Владимир Михайлович радовался тому впечатлению, которое произвел камин с готическим замком.

Таинственно улыбаясь, повел дальше смотреть «Лошадиную комнату».

У нас долгое время сохранялся рукописный каталог этой комнаты, но, к сожалению, погиб в годы войны вместе с частью нашего семейного архива.

Комната была почти сплошь увешана изображениями лошадей разных пород и разных мастей. Это были картины в рамах и без рам, этюды, эскизы, рисунки...

«Такого я еще никогда не видела, — смеялась Пелагея Петровна, — это была совершенно очаровательная «Лошадиная комната».

Сразу бросились в глаза изображения белых мохнатых деревенских лошадок.

— Посмотрите, — сказал Владимир Михайлович, — какие у них добрые лица.

И эту его фразу потом много раз все повторяли.

— Эти мохнатые лошадки рядом с крестьянином... Это чисто русское, все равно что березки...

Показал Владимир Михайлович и этюд портрета художника, всю жизнь писавшего лошадей, — Алексея Степановича Степанова. Лицо выразительное, что-то в нем было дикое, вольное, от российских степей.

Пелагея Петровна нашла, что художник этот очень похож на ее отца, Петра Степановича Пушкива.

Была картина, которая Марии Петровне особенно приглянулась по душе, — «Тройка». Лошади с развевающимися гривами несутся вскачь, комья снега из-под копыт. Вот-вот возок опрокинется. А душа так и просит скорости, простора бескрайних российских полей!

Позже я узнала, что скорость, которую могла развивать такая тройка, достигала 35–40 км в час, что для хорошей тройки специально

подбирались и обучались лошади. Да и кучер, управлявший тройкой (обратите внимание, четырьмя вожжами!) — великий мастер своего дела.

Упряжь из разного цвета кожи, с бляшками, с кистями! Колокольчик под дугой, дар Валдая! Сани расписанные ярко, цветисто, с большой фантазией — настоящая народная карета. Садись в нее и мчись по полям и заснеженным равнинам!

Иностранцы, приезжая в Россию, стремились попробовать это русское чудо. Но боялись, что возок опрокинется, что в снегу обваляются.

Не знали они тогдашнего секрета езды на тройках: не только дорога заливалась для большего скольжения, но и края дороги укреплялись так высоко, что ездок видел только высокое синее небо да искрившиеся от морозной пыли верхушки деревьев.

Как в сказочном царстве Берендея...

Жаль, что сейчас много народных обычаев, русской старины забывается.

Но продолжим однако нашу прогулку по дому Прокудиных-Горских.

В комнате с густо-фиолетовыми обоями и розово-золотистыми веточками шиповника стояло трюмо в ореховой раме с резными завитушками. Через все зеркало шла трещина.

Владимир Михайлович рассказал, что трюмо это раньше стояло в комнате первой жены его отца Марии Николаевны. Когда же они стали разводиться, зеркало вдруг треснуло.

* * *

На письменном столе отцовского кабинета лежал пюпитр из тисненой кожи.

— Его подарила мне мама, когда я уезжал на фронт, чтобы я чаще писал, — рассказывал Владимир Михайлович.

На внутренней стороне пюпитра был вытиснен герб рода Прокудиных-Горских. Пюпитр открывался на две половинки, и, открывая его, Владимир Михайлович должен был каждый раз видеть свой герб.

Оригинал герба рода Прокудиных-Горских хранится в фонде Департамента Герольдии Российского государственного исторического

архива. Он представляет собой изображение щита, увенчанного дворянским шлемом с короною. На короне золотой полумесяц.

Появление на Руси первых гербовых знаков относится к концу XVII века. В этом проявилась потребность дворянства утвердить в исторической памяти деяния своего рода, его заслуги перед Отечеством.

В постижении достаточно запутанной символики дворянских гербов приходит на помощь геральдическая наука. Она зародилась в Европе, и название ее произошло от слова «герольд» — благородный рыцарь, глашатай.

Поначалу геральдические знаки возникли главным образом, чтобы ориентироваться на полях сражений.

Эпоха средневековья — это эпоха рыцарей, доспехов и щитов, войн и побед. Герб служил знаком отличия как на поле боя, так и в спортивном состязании, в турнире. Геральдические знаки обозначались на самом доспехе или на щите. Затем они перешли на знамена.

Ореол рыцарской доблести был в ту эпоху столь могущественен, что уже одно звание рыцаря побуждало каждого из них превосходить свои собственные возможности во много крат. Это рождало героев.

«Да не руководят поступками рыцарей жажда прибыли или мщение»;

«Да будут рыцари везде и во всем вдохновляемы честью и правдою»;

«Да убоятся рыцари более всего злословием оскорбить дружбу»;

«Да не положат они оружия, пока не окончат принятого по обету», — таковы некоторые из законов рыцарства.

Рыцари стремились превзойти друг друга в отваге на полях сражений, защищая свое Отечество.

Делом личной чести рыцаря было никому не позволять в своем присутствии оскорблять женщину, и отстаивать даже вовсе незнакомую женщину ценой собственной жизни.

Под тяжелыми и неповоротливыми доспехами рыцаря билось благородное сердце, мужественное и нежное. Рыцарский щит всегда был прибежищем слабого или униженного.

Культ рыцарства приобрел мировое значение, объединяя людей в их поклонении возвышенным чувствам и поступкам.

В России в XVIII веке Петр I, реформируя весь уклад жизни и многое перенимая из традиций европейской культуры, утвердил специальную должность герольдмейстера.

Был составлен «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». По нему создавался общий тип русского дворянского герба.

Герб слагался из следующих обязательных частей:

1. щит, на котором изображались эмблемы рода;
2. над щитом стальные наплечники;
3. шлем.

Что касается шлемов на гербе, то их изображали либо с решетинами, либо без них. Такая, казалось бы, незначительная деталь тем не менее имела глубокий смысл. Наличие решетин на шлеме говорило о том, что герб этот принадлежит роду старинному и знатному.

Венчался шлем иногда дворянской короной, иногда рыцарским венчиком — бурелетом.

Со шлема спускался намет — пышный лиственный орнамент, объединяющий все части герба.

Способ перенесения цветового звучания герба на бумагу также был строго определен.

Те части герба, которые покрывались на доспехе, щите или знамени золотом, стали изображаться на бумаге точками.

Серебро в гербе изображалось на бумаге белым цветом.

Цветовая символика герба Прокудиных-Горских строится на сочетаниях золота, серебра и черни, что создает характер благородной мужественности и героической величавости.

Золото — король металлов, символизирует, как указывается в геральдических книгах, «знатность, могущество, справедливость и милосердие».

Серебро говорит о нравственной чистоте владельцев этого герба, «их благородстве, откровенности и справедливости».

Густой бархатисто-черный цвет, объединяющий все части герба, напоминает о «мудрости, постоянстве в испытаниях, а также о печали».

Герб Прокудиных-Горских соответствует всем правилам геральдики, представляя собой классический образец дворянского герба.

Его, как и любой герб, можно «прочитать». И тогда он начинает рассказывать много интересного.

В центре щита Прокудиных-Горских изображен волнистый столб, напоминающий двуручный меч. Он разделяет щит на две половины.

В одной из них располагается главный символ этого рода — весы Фемиды — общепринятый символ справедливости.

На другой стороне щита изображены звезда и полумесяц. Эти символы встречаются на гербах почти всех дворянских родов, предки которых пришли в Россию из Золотой Орды.

Среди 400 знатных российских семейств, которые упоминаются в «Энциклопедии дворянских родов», более 40 являются выходцами из Золотой Орды.

Это Давыдовы, Дашковы, Кочубеи, Набоковы, Огаревы, Тимирязевы, Тургеневы, Урусовы, Юсуповы, Языковы и др. Честью служили России те, кто носили эти фамилии вот уже без малого семь столетий, с тех пор как их предки перешли из Золотой Орды на сторону князей русских.

Таким образом, истоки, происхождение и древность рода определяются при первом же взгляде на его герб.

Изображенные на гербе Прокудиных-Горских символы означали верность идеалам этого княжеского в прошлом рода, по высоте своих возвышенных замыслов стремившегося к небесным светилам. Над короной герба — гордый серп месяца, всегда меняющийся и всегда остающийся тем же.

Дворянские гербы служили утверждению чувства ответственности у тех, кому они принадлежали, а также гордости за своих предков и свое Отечество. Они вызывали желание изучать свое прошлое.

Иногда на гербах помещался девиз рода (часто на латинском языке).

Девизы на гербах — результат неизменной устремленности к нравственному совершенствованию.

На университетских занятиях, публичных лекциях и на встречах с читателями меня часто спрашивают, есть ли у меня в жизни девиз, а если есть, то какой?

В ответ на этот звучащий в молодежной аудитории вопрос я подготовила маленький экскурс по гербам и девизам дворянских родов России.

Выделим несколько наиболее оригинальных и содержательных.

На гербе графов Брюс на латинском языке сделана патетическая надпись: «Мы были». За этой лаконичной надписью стоит уверенность, что вклад их рода в историю и дела человечества значителен и оставил о себе добрую память. Это не может не вызывать у них заслуженную гордость.

«Жизнь царю, честь никому». Эти слова выражают преданность монарху и одновременно полны человеческой независимости. Они начертаны на гербе князей Васильчиковых.

Среди столбового дворянства был распространен девиз «По тернистому пути к звездам». Если цели достойные, то путь трудный не страшит.

Еще чаще встречается девиз «Честь дороже жизни». Какое высокое благородство! За честь и достоинство готовы платить жизнью.

Понятие рыцарского достоинства, когда, не колеблясь, со шпагой в руке рыцарь бросался защищать даму своего сердца и отдавал жизнь за своего короля, сделали чувство личной ответственности обязательной для дворянина, равно как и его служение Отечеству.

«Верность, никогда непоколебимая» — выбрали девизом светлейшие князя Воронцовы.

И еще несколько выразительных девизов:

«Дорожи временем» (Гейман);

«Век живи, век учись» (Греве);

«Всегда вперед» (Кулжинские).

Это целая система взглядов на жизнь, последовательная концепция нравственности.

Девиз рода Зубовых «Не себе, а государству». С утверждением государственности все чаще звучит тема: не себе, а Отечеству, Родине, России.

Фамилия Лазаревых в нашей исторической памяти связана с легендарным адмиралом Михаилом Петровичем Лазаревым. Он совершал кругосветные путешествия, участвовал в знаменитом Наваринском сражении. Был главным командиром Черноморского флота.

Девиз Лазарева прост, ясен и велик, также как и его жизнь. Звучит он так: «Вера, труд, правда». Нельзя отказать адмиралу в умении выбрать главное в пестроте нравственных понятий.

Любопытно, что «правде» отводится предпочтительное место в сравнении с многими другими понятиями нравственного кодекса. Из девизов на 120 гербах понятие «Правда» упоминается 32 раза.

Близко к этому и звучание девиза графа Киселева: «Да достигну честностью». Это о нем, о графе Павле Дмитриевиче Киселеве, Пушкин сказал, что среди чиновников он является эталоном честности.

«Правда», как принцип жизни проходит через девизы: «Да будет правда», «Правда прежде всего», «Путем правды и усердия», «Сила в правде», «Правда и честь».

По количеству упоминаний в гербовых девизах «Правду и честь» превосходит лишь «Отечество», «Россия» и «Государство».

Еще один мотив, не менее упорно повторяющийся в девизах: «Учение», «Знания», «Науки».

Самым неожиданным при статистической обработке оказалось, что на одно из первых мест по количеству упоминаний в дворянских гербах выходит слово «Труд».

В сочетании с ним можно прочесть «Старание», «Усердие», «Терпение». Встречается оно и в таких сочетаниях как: «Труд и знания», «Трудом и любовью», «Трудом и испытанием», «Трудом в поиске истины» и т. д.

Сегодня все более очевидным становится возрастающий интерес к турнирам рыцарей, их гербам и образу жизни. «Романтизм умер? Да здравствует новый романтизм!»

Дворянские гербы, рыцарские девизы — принципы жизни, продиктованные честью и гордостью за Отечество.

Дворяне на службе Отечеству — вот что представляет непреходящую ценность, вот о чем стоит говорить сегодня.

Исторически сложилось так, что для российских дворян служить России было профессией, обязанностью. Для лучшей части дворянства отдать жизнь за Отечество — дело личной чести. И даже их слуги не могли позволить себе сказать: «За такие-то деньги? ... не буду».

А то большое значение, которое дворянские девизы придавали труду, ставит под сомнение упорно внедряемое в XX веке представление о дворянах как почти поголовно «недорослях» и «обломовых».

Если же ответить на вопрос, который задают мне студенты о девизе моей жизни, я бы его сформулировала так: «Честь, труд и вдохновение — Отечеству».

Вот что, глядя на герб Прокудиных-Горских, вспомнилось мне и захотелось рассказать о русских дворянских гербах и девизах.

Владимир Михайлович Прокудин-Горский показывал в Отрадном изображение герба тисненым на коже пюпитра, выжженным на створках секретера, вырезанным на печатке.

В Отрадном хранилась собранная еще его отцом и дедом богатейшая коллекция изображений дворянских гербов, гербов городов Московской губернии, а также гербов губерний России.

* * *

Особую гордость Отрадного составляла «Портретная галерея», которую домашние любовно называли «Галерейка».

В ней когда-то была собрана история рода Прокудиных-Горских, на стенах висели потемневшие от времени портреты в старинных красного дерева рамах.

Позже, в 1920-е годы, когда усадьба Прокудиных-Горских сгорела в огне Гражданской войны, безвозвратно погибли ее библиотека, исторические рукописи, живописные портреты Прокудиных-Горских.

Но рукописи, как известно, не горят! — не горит память историческая и человеческая.

Так свершим же путешествие по той «Портретной галерее Прокудиных-Горских», которая была создана по старинным родословцам, архивам и живым воспоминаниям, «чтоб не рвалась связующая нить времен».

ГЛАВА II

Потомственные московские дворяне Прокудины-Горские

Устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков.

А. Пушкин

В дружбе с Дмитрием Донским, в родстве с Рюриком

Как удалось выяснить моим предкам род Прокудиных-Горских восходил своими корнями к великокняжеской династии Рюрика. Для дворянского гнезда в Отрадном личность Рюрика обладала особой силой и притягательностью.

Для тех, кому интересна история Руси, фигура Рюрика и сейчас полна по незнанию его жизни, какой-то удивительности.

Судьба этого человека за целое тысячелетие не потеряла живого интереса для истории, она обросла множеством интереснейших легенд. Он — король норманнов, призванный по доброй воле славян навести у них порядок.

Часто поступки его по удивительной смелости граничили с отчаянной дерзостью...

Русь нуждалась тогда в решительном и сильном правителе.

Один из ранних исторических источников «Повесть временных лет» так освещает этот вопрос:

В год 862 изгнали варяг за море и не дав им дани стали сами собой владеть.

И пошел род на род и была у них усобица.

И сказали себе: Поищем князя, который бы владел нами и судил по праву.

И пошли за море, к варягам, к руси: „Земля наша велика и обильна, а наряда [порядка] в ней нет. Приходите княжить и владеть нами...“

Пришел Рюрик править и принял всю власть на себя одного.

Внук новгородского старейшины и правителя Гостомысла Рюрик нашел общий язык с призвавшими его. Многие историки

защищают эту версию, особо подчеркивая не насильственный характер вторжения.

Имя его в переводе читают как «Могучий славой».

Рюрик принадлежал, как считают исследователи, к династии, связанной родством с датскими и норвежскими правителями, корни которых по королевским сагам уходили «к самому верховному Богу Одину»!

В 879 году Рюрик умер, передав Олегу свою власть и своего малолетнего сына Игоря.

Это ему посвятил Пушкин «Песнь о вещем Олеге»:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...

Затем править стал подросший сын Рюрика — Игорь.

Усиливалась при Рюриковичах Русь. Крепла власть на ее земле...

Серьезным испытанием для нее стала битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 года. Она вошла в историю как решающая победа за целостность и независимость земли русской.

На нее шли еще отдельные княжеские рати, возвращалось с Куликова поля после сражения уже единое воинство русское.

Тяжело досталось обеим сторонам это небывалое сражение, одно из крупнейших в истории мировых войн.

Когда на рассвете рассеялся туман, глаза в глаза взглянули две огромные воюющие армии, и над ковыльным полем пронесся единый вздох. Совсем близко друг от друга стояли, в лицо врагу дышали. Конница вражеская превышала войско, князем Дмитрием возглавляемое.

Древняя легенда гласит, что еще в самом начале битвы великий князь Дмитрий снял с себя золотые доспехи, сказав: «Пусть враг в каждом воине видит князя».

Многие татарские князья перешли на сторону великого князя Дмитрия Иоанновича и бились на его стороне также отчаянно и храбро, как и его собственные дружинники.

Темнеть стало, а бой продолжался. Стучали мечи каленые, и стрелы пели в воздухе свою песню свистящую...

Но не принес бой победы Мамаю, не победную песню пели стрелы его отравленные.

Горы павших в бою возвышались на том поле...

Стучали, звеня булатные мечи русские, и тьма мамаева, поредев, отступила.

Месяц скрылся на небе за тучами, остатки поредевшего войска Мамаю побежали с поля Куликова. Бежали поодиночке и кучками.

Сам же Мамай, покинутый приверженцами, — сообщает наш современник профессор В. В. Кюнтцель в статье „Потомки героев Куликовской битвы“, — станет жертвой предательства и погибнет в городе Кафе в Крыму, что стоял на месте нынешней Феодосии. Потомки же Мамаю отъехали со временем в Литву, где стали прозываться князьями Глинскими.

В начале XVI столетия некоторые из них перешли на службу к Московским Государям, а одна из княжен этого дома Елена Глинская вышла замуж за Государя Василия III, стала Великой Княгиней и матерью Царя Ивана IV Грозного.

Таким образом, первый русский царь был потомком не только Димитрия Донского, но и его главного противника татарского темника Мамаю.

Те же, кто давно искал случая «выйти из орды» и жить по законам великого князя русского, участвуя в Куликовской битве на стороне Дмитрия, завоевали право на доверие его.

Победа русских была полной.

Тяжело раненого великого князя Дмитрия Ивановича в груди убитых им недругов отыскивали на поле боя два костромича — Федор Сабур и Григорий Холопищев. Федор Сабур был потомком татарского Мурзы Четы. Впоследствии он стал основателем боярского рода Сабуровых. Интересно, что к младшей ветви этого рода принадлежал Царь Борис Годунов.

Еще за несколько месяцев до Куликовской битвы к Мамаю был послан с дипломатической миссией москвич Захарий Тучев. Он успешно выполнил миссию и доставил великому князю нужные сведения.

Одним из потомков этого храброго древнерусского дипломата является известный поэт (и тоже дипломат) Федор Иванович Тютчев.

Многие потомки героев Куликова поля оставили заметный след в истории нашего Отечества. Но неизмеримо больше таких, чьи имена затерялись в веках. Однако мы не вправе забыть ни одного из них, из тех, кто рисковал жизнью, а часто и отдал ее за Русь.

Вспоминая имена тех, кого можем назвать, отдавая дань уважения их потомкам, мы помним и чтим всех участников исторического сражения на Дону.

И мы рады, что на Куликовом поле снова высится храм-памятник славным защитникам Отечества, за упокой душ которых здесь возносятся теплые молитвы.

Мы рады, — заключает автор статьи „Потомки героев Куликовской битвы“, — что в Москве возвращается к жизни храм Всех Святых на Кулишках, воздвигнутый в память победоносного воинства Святого Благоверного Князя Дмитрия Ивановича Донского.

Среди перешедших на сторону Дмитрия Донского был и мой предок, татарский князь (Мурза)Мусса, который после крещения стал называться Петром.

Воеводою сражался он на Куликовском поле со своими четырьмя сыновьями-красавцами. Все они полегли в этом сражении и остались на поле брани лежать бездыханными.

— О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?!

Осиротел Петр.

Высоко оценил Дмитрий Донской мужество и храбрость воеводы Петра в сече на Куликовском поле и наделил его «вотчинными землями вокруг Москвы».

Взял Петр эти земли, как ему казалось, напоенные кровью его сыновей.

И по вотчине Гора, пожалованной ему великим князем Дмитрием Иоанновичем Донским, получил фамилию Горский.

Хотел он уйти из-под власти хана — ушел. Хотел завести для потомков своих новую жизнь на земле русской — завел.

И доказал он в бою преданность и верность свою великому князю Дмитрию Иоанновичу.

Сильный духом воевода Петр Горский, родоначальник нашего рода, нелегко привыкал к новому своему имени, к новым владениям, да и к новой жизни, о которой так долго мечтал.

Петр Горский, как гласит предание, выполнял особые поручения великого князя, требующие смелости и отваги.

Он был одним из образованных князей Орды. Не раз ездил в составе ханских посольств, умел разговаривать с людьми. Знал языки, грамоту и обычаи разных народов. Это помогало ему в его новой жизни.

Выйдя «из-под хана», он старался приблизить свою жизнь к тому образцу, который считал обязательным.

Семейное предание гласит, что умел он лечить людей и лошадей. Лечил даже проказу и лошадиную болезнь сапп, которые время от времени опустошали кибитки кочевников и лошадиные загоны. В такие черные периоды эпидемий и мора в Орде его почитали наделенным особыми сверхъестественными силами.

На русской земле он лечил от укусов ядовитых змей, от ран, причиненных отравленными стрелами.

Здесь у него появились ученики, желавшие уметь то, что умел делать он. Когда случилась эпидемия, пришедшая из Крымского ханства, ему удалось с учеником своим многих поставить на ноги, что сильно повысило его положение на Руси.

Земли «вкруг Москвы» стали домом родным Петра Горского, его второй родиной, за которую он кровь проливал и жизнь сынов своих положил.

Женил его великий князь Дмитрий, как гласит предание, на молодой княжне Марии из династии Рюриковичей...

В дружбе с Дмитрием Донским, в родстве с Рюриком начал сын Петра Горского — Алферий новую ветвь этого благородного рода.

Внука Петра Горского нарекли Прокопием.

Прозвание же ему дали «Прокуда». Прозвание это должно было спасти Прокопия и его потомков от «сглаза», чтобы никогда «не прохудился», не прекратился этот род отважных воевод.

Так Прокопий Алферьевич, внук храброго воеводы Петра Горского получил фамилию Прокудин-Горский.

Прокудины-Горские владели вотчинными землями в Орловской, Владимирской, Тверской, Нижегородской, Пензенской губерниях, а также на Муроме и Твери.

Числились «потомственными московскими дворянами»...

Рюриковичи как представители первой правящей династии на Руси завершили свою историческую миссию со смертью Иоанна Грозного, который оставил двух сыновей — Дмитрия и Федора. Малолетний царевич Дмитрий погиб в монастыре, Федор Иоаннович — последний представитель династии Рюриковичей — умер в 1598 году.

Династии, которую начал Рюрик, вот уже более 1100 лет.

Среди Рюриковичей, прославивших Россию, были не только великие князья и талантливые полководцы. Многие всемирно известные

деятели культуры вышли из этого рода: А. С. Пушкин, Д. И. Фонвизин, Л. Н. Толстой, а также композиторы М. П. Мусоргский, А. С. Даргомыжский и многие, многие другие.

Потомки Рюрика продолжают жить и сейчас на земле российской и служить ей верой и правдой, как служили в стародавние времена.

О нашем же роде Прокудиных-Горских в старинных дворянских книгах и в «Родословной книге князей и дворян российских... известной под названием Бархатной книги и изданной по самouverнейшим спискам» сообщается, что ведет он свое исчисление «с 1380 года и что члены его владели вотчинами и служили в штаб- и обер-офицерских чинах».

А вот и названные в родословцах имена моих далеких предков, «мужей честных и хоробрых», которые еще в древние времена отстаивали, не «щадя живота своего», интересы Руси.

В доспехах, на конях с мечом в руках защищали они пределы земли русской от всякой «вражьей нечисти» и часто гибли в неравных боях.

В веке XIV

Родоначальник нашего рода П е т р Г о р с к и й, как уже говорилось, был воеводою Куликовской битвы 1380 года.

В веке XV

Его сын Алферий Петрович Горский был воеводою Владимира.

У алтаря главного владимирского собора — Успенского — был возведен на престол легендарный русский полководец Дмитрий Донской.

Здесь же, в соборе составлялись владимирские летописи — одни из первых документов по истории Древней Руси.

За четверть века до того как Алферий стал воеводою Владимира, «через Золотые врата славного града Володимира» прошли доблестные воины, возглавляемые его отцом — воеводой Петром Горским, участвовавшим в Куликовской битве.

Много позже пройдет через них народное ополчение 1812 года, и снова, как и столетия назад, сверкнут среди ратников, жизней своих не жалевших, дорогие мне имена Прокудиных-Горских.

В веке XVI

Никита Васильевич, Иван Иванович и Герасим Митрофанович Прокудины-Горские служили воеводами в Казанском походе 1544 года за присоединение Казани в Великому Московскому княжеству.

Семен Иванович и Григорий Иванович Прокудины-Горские были убиты в 1552 году при взятии Казани.

В начале века XVII

Прокудин-Горский, имя которого не сохранила летопись, был воеводой у князя Дмитрия Шуйского, защищал отчие земли от польско-литовской интервенции 1608–1612 годов, в тяжелые времена смуты.

Это было тогда, когда подвиг свой свершил Иван Сусанин.

Принадлежавший к старинному роду суздальских князей Дмитрий Михайлович Пожарский и посадский староста Кузьма Минин подняли все слои общества супротив польско-литовской интервенции, добились всенародного единения и победы.

Воеводою бился Прокудин-Горский против супостатов одновременно с Шуйским, Мининым и Пожарским.

Эти люди не нуждались в приказах, чтобы выполнять свой долг перед людьми, Отечеством и Богом.

В первой трети века XVII

Максим Худякович Прокудин-Горский, как сказано в родословце, «убит † при осаде Смоленска в 1634 году».

В конце века XVII

Василий Иванович Прокудин-Горский служил воеводою в Суздале при царе Алексее Михайловиче Романове (1645–1676).

Матвей Григорьевич Прокудин-Горский был в 1660–1678 годах стряпчим, вотчинником сел Сущево и Фуникова Гора во городе Владимире. За ним числились, как сказано в древних книгах, «село Боярово, Пустобоярово, и Борбово тож».

С его именем связывают предание о Горе и строительстве на ней храма.

Память о Прокудиных-Горских во Владимире до сих пор жива, как и предания о Фуниковой Горе, хотя сама Гора со столь необычным названием практически уже перестала быть горой.

Дочь Матвея Григорьевича — Акулина Матвеевна Прокудина-Горская — вышла замуж за Ивана Петровича Измайлова, генерал-поручика, кавалера ордена Св. Александра Невского.

Измайловы — дворянский род, ведущий свое начало от черниговского воеводы, по преданию перешедшего из Золотой Орды.

В 1611 году один из Измайловых — Артемий Васильевич, — воевода, пожалованный в окольнічие, участвовал, как и Прокудин-Горский, в освобождении Москвы от поляков.

Сын Матвея Григорьевича Никита Матвеевич Прокудин-Горский служил стряпчим у царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Иоанна (брата Петра I), восседавшего на московском троне с 1682 по 1696 год.

Галерея портретов Прокудиных-Горских: военные, экономисты, писатели

Век XVIII–XIX

Прокудины-Горские, «честные мужи», которым «ратное дело за-обычно» было, отстаивали интересы России и в «новые времена» царствования Петра Великого и становления обширной Российской империи. Роднились своими браками с другими, не менее древними и знатными родами.

Петр Иванович Прокудин-Горский был сыном коллежского ассесора, помещика Владимирского и Суздальского уездов Ивана Ивановича Прокудина-Горского и его жены Анны Ивановны, в девичестве Врасской.

Дворянский род Врасских восходил к началу XVI века. В XIX веке действительный статский советник Борис Алексеевич Врасский был широко известен читающей публике как переводчик и издатель.

Уважение снискал Михаил Николаевич Галкин-Врасский — эстляндский, а затем и саратовский губернатор; с 1896 года — член Государственного Совета.

Петр Иванович Прокудин-Горский служил в лейб-гвардии Измайловском полку.

Был удостоен ордена Св. Владимира IV-й степени с бантом, учрежденного Екатериной II как награда за отличия на государственной службе. Крест темно-красной эмали с черной каймой имел на лицевой стороне изображение вензеля Св. Владимира.

О Петре Ивановиче Прокудине-Горском помимо того, что он был кавалером ордена Св. Владимира, известно так же, что он был директором экономии Нижегородской казенной палаты.

На этом посту застал его князь Иван Михайлович Долгоруков и упомянул его в своих воспоминаниях, которые носят поэтическое название «Капище моего сердца...»

Правда, капищем сердца Долгорукова был не столько Петр Иванович Прокудин-Горский, сколько его супруга Феоктиста Даниловна.

С ней влюбчивый князь Иван Михайлович Долгоруков познакомился в 1770-х годах.

Имея позволение прожить в Нижнем Новгороде неделю, молодой князь прожил там десять дней и «в Феоктисту Даниловну влюбился по уши, ежеминутно был у них и с ней, и восхищался до крайней степени ее красотою...»

О самом Петре Ивановиче Прокудине-Горском князь Долгоруков сообщал, что тот держал открытым дом «на самой пышной ноге богатого вельможи.

У него была домовая церковь пребогатая; эрмитаж на двенадцати кувертах ... подъемный стол на машинах».

Сильное впечатление на князя Долгорукова произвели в доме Прокудина-Горского «зимний сад в одной из комнат просторного дома», а также «птичник, в котором всегда происходил гармонический концерт разнородных пернатых».

Заключая описание жизни Петра Ивановича Прокудина-Горского и его дома, князь Долгоруков писал: «словом он был в Нижнем то, что Шереметев в Москве».

Петр Борисович Шереметев, с которым сравнивал Прокудина-Горского князь Долгоруков, был сенатором, сыном сподвижника Петра I, числившегося «высшим командиром над всеми войсками».

Оставив государственную службу, с 1780 года избирался предводителем московского дворянства.

Жил в своих имениях, одно из которых, — знаменитое Кусково под Московской.

Прославился коллекционированием и меценатством. В Кусково у Шереметева была своя кунсткамера, домашний театр и коллекция редкого оружия.

Когда срок пребывания князя Долгорукова в Нижнем Новгороде подходил к концу, Петр Иванович Прокудин-Горский устроил ему прощальный ужин, точнее сказать «прощальную неделю»: «На сей конец он мне дал большой пир и кормил меня (один день) на серебре, потом другой (день) на фарфоре, а, наконец, прощальный ужин на английском сервизе апплике [сервиз, покрытый тонким слоем серебра]».